

Бреннеке Йохан

**Немецкие
субмарины в бою**

УДК 94(430).086
ББК 63.3(0)62
Б87

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «За линией фронта. Мемуары»
выпускается с 2002 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озера*

Бреннеке Йохан
Б87 Немецкие субмарины в бою. Воспоминания
участников боевых действий. 1939—1945 / Пер. с
англ. Ю.В. Бехтина. — М.: ЗАО Центрполиграф,
2009. — 317 с. — (За линией фронта. Мемуары).

ISBN 978-5-519-73199-7

Книга рассказывает о боевых действиях подводного флота Германии
в годы Второй мировой войны. Автор, основываясь на фактических
данных, документах, вахтенных журналах подводных лодок, дневниках
подводников, воспоминаниях участников боевых действий, вскрывает
причины поражения подводного флота Германии.

УДК 94(430).086
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-519-73199-7

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2009
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Центрполиграф»,
2009

Вице-адмирал Лиланд Ловетт (командовал эскадрой, которая 7 ноября 1942 года произвела высадку англо-американских войск в Северной Африке) писал после войны: «Большинство из нас помнят, что в двух мировых войнах германские подводные лодки опасно близко подошли к той черте, за которой начинался полный контроль над основными морскими коммуникациями. Установление такого контроля изменило бы ход войны...»

Эта книга рассказывает о действиях немецких подводных лодок в Атлантике (где шла в основном подводная война) и в прилегающих морях. Она написана на основе документов (вахтенных журналов подводных лодок, дневников личного состава), а также воспоминаний подводников. Местами автор, стараясь уйти от сухого пересказа событий, вплетает в канву рассказа элементы беллетристики.

Возможно, автор что-то и приукрашивает. Нет-нет да и подует со страниц книги духом послевоенной апологетики (особенно это касается двух последних глав). Например, провокация против Польши и нападение на нее, ставшее началом Второй мировой войны, аккуратно именуется «польским кризисом». Впрочем, кто же станет именовать себя агрессором?

Чувствуется, что автор отдал долг и атмосфере «холодной войны», во времена которой была написана книга. Например, в последней главе один из подвод-

ников взрывает себя вместе с лодкой: страна побеждена, родителей убили — и, конечно, русские. Хотя у его родителей в действительности было во много раз больше шансов погибнуть от британских или американских бомбежек.

В целом же книга читается с интересом, и в первую очередь адресована тем, кто интересуется историей участия подводного флота в сражениях Второй мировой.

Оперативная сводка. Август

В августе 1939 года германский флот имел в строю 51 подводную лодку. Не все из них были строевыми, потому что часть из них необходимо было — и более, чем когда-либо, — держать в качестве учебных. Между 19 и 21 августа 21 подводная лодка вышли со своих баз и заняли заданные им позиции, готовые к боевым действиям. Запечатанные конверты с боевыми приказами мирно покоились в сейфах командиров подлодок. Среди этих офицеров находились и те, кому несколько месяцев спустя суждено было стать героями первых полос мировой прессы и объектами восхваления со стороны германского радио, — Прин, Кречмер, Шенке, Фраунхайм, Шульце, Шухардт и другие.

* * *

Капитан-лейтенант Шульце, командир «U-48», прозванный «Фатти» — «папочкой», обратился к своему боцману:

— Боцман, позаботьтесь нанести бортовой номер лодки. Пока будете малевать, пусть птичка спрыгнет с насеста, а то испачкаете.

Так несколько неуважительно, но довольно-таки общепринято называли национальный герб — орла — на рубке подводной лодки.

Несколькими днями раньше, а именно 18 августа 1939 года, подводная лодка «U-48» в компании с другими лодками направилась в Северное море. Ее аккуратный нос с пилой для резки противолодочных сетей и прямо-таки бычьим

кольцом делали субмарину похожей на рептилию с рогом на носу, обращенном к северу.

Стоял солнечный день ранней осени, и Северное море, обычно заставлявшее в это время поеживаться обитателей его берегов, теперь выглядело спокойным и благодушным, разве что еле заметные бугры перекатывались по серо-зеленым волнам.

— Порохом запахло, что ли, герр командир? Не рано ли? — пробурчал боцман вместо обычного «есть, герр командир».

— Война исчезнет с лица земли, только когда мы поймем, что в ней больше нет никакой пользы, или когда человечество действительно будет заслуживать того, чтобы жить в мире, — философски изрек Шульце. — К несчастью, это правда, так что давайте не будем испытывать по этому поводу куриного испуга.

Шульце поднес к глазам бинокль и стал медленно прочесывать взглядом море. На этом дискуссия по животрепещущему вопросу была закончена.

— Эй, у трапа! — крикнул боцман в темное отверстие открытого люка на мостике, предупреждая того, кто, возможно, хотел как раз подняться на мостик. Ведь в тесной шахте рубки на узком холодном металлическом трапе двоим не разойтись. Боцман со скоростью белки исчез в люке. Акробат в этом упражнении рядом с ним выглядел бы бледно.

Прежде чем приступить к выполнению приказа, боцман прошел в дизельный отсек к своему другу — командиру электромеханической боевой части.

— Нехорошие ветры дуют. Старик приказал даже нанести бортовой номер. Это к войне.

— Да брось ты! Скажешь тоже. Ну, может, постреляем немножко с поляками. А нам-то какое до этого дело? Англичане не полезут пачкаться в это дерьмо, — возразил механик.

— Минуточку! Не забывай, что англичане тут на днях сказали, что выполняют свои обязательства перед Польшей. Да еще мы разорвали морское соглашение¹.

¹ Морское соглашение, подписанное Великобританией и Германией в июне 1935 года, снимало с германского флота значительную часть версальских ограничений. В апреле 1939 года Германия отказалась от соблюдения любых ограничений. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

И рейхстаг в апреле заявил, что мы больше не считаем себя связанными всякими ограничениями по флоту. Для англичан это не божья роса. И мы болтаемся сейчас не скуки ради в Северном море, хотя вроде бы в это время надо быть в Балтийском, у польских берегов, там сейчас заваруха.

— Да мы тут околачиваемся на всякий случай, мало ли что. Не забывай, эти островитяне всегда очень бережно относятся к собственной шкуре. — Механик похлопал ладонью по крепкому корпусу «U-48». — Англичане не забыли, как мы тогда чуть не загнали их в угол. Тогда, заметь, в начале войны, у нас было мало лодок, а сейчас их с полсотни наберется.

— Ты рассуждаешь чисто механически, — возразил боцман. — Ты мыслишь цифрами и забываешь, что машины и оружие — вещи уязвимые. Давай не будем придавать большого значения тому, что было в той войне. У противника тоже наверняка появились и новые методы, и новое оружие. Кстати, говорят, англичане вроде бы изобрели новую штуку, обнаруживающую лодку под водой.

— Куда им до нас! Во всяком случае, лодки-то наши получше. Да и инженеры поискуснее, и нутром мы покрепче.

— О чем ты говоришь? Мы улучшили то, что было у нас в той войне. Хотя и они тоже. Чего нам действительно не хватает, так это знаешь чего? Лодок, лодок и еще раз лодок. А вот у Редера сердце лежит к линкорам. Но линкор не построишь в закрытом доке, а лодку — запросто.

— Ты судишь со своей колокольни. С точки зрения подводника, ты, может быть, и прав. Но линкоры, как ни говори, — это становой хребет флота. По крайней мере, пока что.

— Для сильного флота — да, верно, — продолжал боцман. — Но более слабая сторона должна пользоваться таким оружием, которое ей навязывает слабость. Подводные лодки — вот оружие слабой стороны. А на море более слабая сторона — это мы.

— Если ты будешь рассуждать так, у тебя скоро коленки затрясутся. А за тобой — и у твоих людей.

— Ничуть. Я просто трезво смотрю на вещи и вижу их такими, какие они есть. Как вот ты смотришь на свои машины и видишь их такими, как их сделали, — просчитанными, промеренными.

Больше подводных лодок или больше линкоров? Мало чьи умы на флоте не занимала эта проблема. Самый далекий от штабов на Тирпиц-Уфер моряк чувствовал, что в верхах идет напряженная борьба вокруг этого вопроса. Подводники, народ, фанатично преданный своему роду оружия, отдавали сердца Дёницу, который был для них больше чем просто командующим. Рядовые подводники с горькой усмешкой говорили про Редера: «Я знаю, почему наш главнокомандующий не хочет подводных лодок: на них нельзя выставить на верхней палубе оркестр для встречи его самого под трубы и барабаны».

Молодые и инициативные офицеры-подводники, о которых Дёниц говорил как о сливках военно-морского флота, не слишком энергично осуждали политику Редера, но тем не менее горой стояли за «своего» Дёница и его позицию.

За несколько месяцев до польского кризиса Редер, которому было известно об оппозиционном отношении офицеров-подводников к его программе строительства надводных кораблей, воспользовался возможностью открыто высказаться на совещании высших офицеров военно-морского флота:

— Я знаю, что некоторые из вас, господа, причем занимающие командные посты, придерживаются таких взглядов по нашей программе военно-морского строительства, которые отличаются от моих собственных. Поэтому мне больно, когда меня упрекают, иногда косвенно, а иногда и довольно прямо, что я не могу оценить значимости численно большого, хорошо подготовленного и энергичного подводного флота. Было бы верхом глупости не развивать этот новый вид оружия, которое хорошо проявило себя во время Первой мировой войны, и я думаю, что пришло время развеять иллюзии тех, кто считает, что высшее командование флота не понимает этого.

Далее Редер остановился на том, строительстве каких классов кораблей будет отдаваться предпочтение в свете политической и военной ситуаций в целом, и сообщил о заверении, данном ему Гитлером, что о войне с Британией не может быть и речи.

По иронии судьбы и Редер, и Дёниц оба, каждый со своей точки зрения, были правы. Единственная разница

состояла в том, что Редеру приходилось принимать во внимание интересы всего флота как единого целого, в то время как Дёниц, ответственный лишь за подводный флот, мог занять одностороннюю позицию. Не стоит, конечно, в данной ситуации говорить, что история покажет большую дальновидность Дёница. Такой подход был бы несправедлив и некорректен.

Сторонник исторических подходов, Редер твердо придерживался принципов классической военно-морской стратегии. Он с научных позиций рассмотрел все операции Первой мировой войны и различные факторы, приводившие к успехам и неудачам. Опыт, полученный в битве при Ютландии, показал, насколько силы германских линкоров превосходили силы британских. Степень их непотопляемости превзошла все мыслимые ожидания. Теперь Редер знал, что по плану «Z» выпускаются новые типы линкоров, которым не страшны никакие классы кораблей британских ВМС или любого другого военно-морского флота мира.

И тем не менее надо было благодарить Редера за его разумную политику в подборе кадров, за то, что при подборе офицеров для создания нового германского подводного флота его выбор пал на Карла Дёница.

Несмотря на весь свой энтузиазм, напористость и инициативность, Дёниц не мог не признать, что против его концепции многочисленного и хорошо подготовленного подводного флота на другой чаше весов лежит немало веских и вдобавок неизвестных факторов. Британия, например, утверждала, что с изобретением так называемого аппарата «Asdic»¹ у лодок возникают серьезные проблемы.

— Возможно, конечно, что это типичный прием из арсенала британского блефа, — комментировал сообщения Редер, — но мы не знаем этого аппарата и посему не можем сказать, блеф это или нет. Пока что мы блуждаем впотьмах.

Перед лицом такой неуверенности стоило ли ставить все на одну карту — на подводные лодки? Редер, как главнокомандующий ВМФ и облеченный ответственностью за весь флот, не мог и не должен был так поступать.

¹ Первая британская противолодочная гидроакустическая станция (anti-submarine detection investigation committee).

Только позже, после того как Дёниц развил свою тактику «волчьих стай» и доказал ее эффективность на учениях в самых разных обстоятельствах, стала очевидной необходимость в увеличении количества подводных лодок. Весной 1939 года эта тактика показала свою ценность на маневрах между мысом Сент-Винсент и островом Уэсан, во время которых двадцать подводных лодок атаковали конвой.

Несмотря на этот успех, оставался без ответа вопрос о противолодочной обороне противника. Более того, это было время, когда германские подводные лодки находились в постоянном техническом развитии, поэтому размещение заказов на большие партии было неосмотрительно и нежелательно, даже на большие лодки, пока и сами их габариты, и тактико-технические данные не достигли еще оптимальных характеристик.

И все равно Дёниц, худощавый, жилистый, энергичный, не собирался легко сдаваться перед лицом взвешенной политики Редера. Он продолжал и уговаривать, и предупреждать, и доказывать, что численность подводного флота недостаточна, чтобы быть решающим фактором на море в случае войны с Британией. Убежден он был и в том, что морская политика Редера войдет в конфликт с базовым британским принципом баланса сил.

— Просто надеяться на то, что Британия не двинется с места в случае пограничного конфликта с Польшей, неразумно, — заявил он.

Своих целей Дёниц добивался настойчиво. Для него, безжалостного и целеустремленного, создание достойного подводного флота было лишь временной целью.

* * *

Все эти треволения и внутренняя борьба не попадали в поле зрения офицеров и простых моряков. Но среди подводников бытовало ощущение, что разногласия в вопросах военно-морской стратегии замедляют реализацию программы строительства подводных лодок, за которую столь страстно выступал Дёниц.

В попытке увязать воедино средства, цели и способы действий Редер, с его широкими историческими познаниями, ступил на зыбкую почву теоретизирования. Ему нужна была спасительная уверенность, и он нашел ее в